

Политиздат, 1960. — Т. 3. 274 с. 5. Шербицкий В. В. Избранные речи и статьи. — М.: Политиздат, 1978. — 624 с. 6. III Всеукраїнський з'їзд Рад. Стенографічний звіт. — Х., 1932. — 232 с. 7. Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик (в документах). — М.: Юрид. лит., 1973. — 735 с. 8. Съезды Советов в документах (1917—1936). Сборник документов. — М.: Госюриздат, 1960. — Т. 2. 615 с. 9. Известия Харьковского Совета рабочих депутатов, 1919, № 44, 12 февр. 10. Торжество ленинских идей в теории и практике советского государственного строительства. — Сов. гос-во и право, 1963, № 4, с. 3—16. 11. СУ УССР, 1919. 12. ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. 13. ЦГАОР УССР.

Поступила в редколлегию 03.04.81.

В. А. Ч е ф р а н о в, канд филос. наук

Харьков

МЕСТО ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО ОТРАЖЕНИЯ

Укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, на необходимость которого вновь обратил внимание XXVI съезд КПСС [4, с. 146], упрочение режима социалистической законности, а также повышение качества и эффективности юридического процесса невозможны без проведения фундаментальных теоретических исследований, связанных с широким философским осмыслением разнообразных правовых явлений, в частности углубленным анализом сущности и принципов функционирования такого сложного духовного феномена, как правовое сознание. Одним из существенных аспектов теории правового сознания как общеметодологической концепции правового отражения является исследование его внутренней структуры.

Дискуссионным остается вопрос о месте юридических норм в общей структурированной системе правового сознания. Данный вопрос отнюдь не схоластический и, несомненно, имеет определенное теоретическое, а также прикладное значение. Некоторые авторы (Т. Н. Красовская [7], И. Е. Фарбер [18], М. П. Карева [8], Д. А. Керимов [9] и др.), ограничительно толкуя сущность правового сознания как отношения людей к действующему праву, выносят нормы права за пределы правового сознания и рассматривают последние как нечто внешнее по отношению к нему. Не оспаривая данной точки зрения, мы в то же время полагаем, что такое понимание правового сознания вряд ли может быть признано достаточным, если это сознание рассматривать в широком философском аспекте — под углом зрения ленинской теории отражения. В выделении норм права из сложной системы правового сознания ощущается неоправданная тенденция искусственного расчленения того, что может существовать только в неразрывном единстве. По нашему

мнению, подобно тому, как право нельзя отождествлять с правовым сознанием, так невозможно его и отрывать, а тем более противопоставлять этому сознанию. Правовые нормы не могут существовать без правового сознания или за его пределами [13, с. 9]. Правовая норма не имеет своего особого, отличного от других элементов правового сознания, содержания. Внутренним содержанием правовой нормы так же, как и теоретической правовой идеи или обыденного правового взгляда, в конечном счете выступает одно и то же общественное бытие.

Противники включения норм права в сложную и многогранную систему правового сознания аргументируют свою позицию в ряде случаев тем, что право выполняет определенную нормативную функцию, что оно регулирует поведение людей и составляет важнейший элемент юридической надстройки. Так, Н. П. Карева пишет: «...нормы права, отражая в себе правовое сознание господствующего класса, а в социалистическом обществе правосознание всего советского народа, образуют особую, не сливающуюся с правосознанием часть надстройки» [8, с. 106]. Мы полагаем, что рассмотрение правовых норм в качестве составного элемента структуры правового сознания не означает ни слияния их с последним, ни отрицания особого характера правовых норм как части надстройки, ни признания правосознания «самим правом».

Право есть не что иное, как государственно-нормативная форма идеального отражения в сознании общества социальных отношений в их типичном (массовидном, повторяющемся) проявлении [20, с. 5]. Авторы, занимающие такую или аналогичную позицию, к сожалению, не всегда в достаточной степени подчеркивают чрезвычайное своеобразие и специфичность правовых норм, которые объективно исключают их отождествление с иными (не оформленными в виде правовых норм) элементами правового сознания. Следует, очевидно, исходить из того, что вообще ни один из элементов, образующих структуру правового сознания, не может быть отождествлен с каким-либо иным элементом данного сознания. Находясь в единой структуре правового сознания, каждый из этих элементов продолжает оставаться самим собой, сохраняет свои специфические черты и признаки, свою внутреннюю определенность и устойчивость. Наиболее всего эти определенность и устойчивость проявляются, вероятно, в правовых нормах.

Выступая рычагом социального регулирования, корректирующим поведение людей с помощью обязательных правил, правовые нормы в то же время не теряют признаков правового отражения аналогично тому, как не перестает быть проявлением общественного сознания наука от того, что в современных условиях она превращается в непосредственную производительную силу. Правовые нормы выступают подобно теоретическому или обыденному правовому сознанию лишь как особый способ

существования (форма жизни) правовых идей и соответствующих им психологических явлений, возникающих как отражение в сознании человека объективной потребности упорядочения своей общественной жизни.

Что касается нормативно-регулятивной функции правовых норм, то данное обстоятельство также не может быть доводом в пользу исключения их из системы правового сознания, ибо регулятивная функция присуща всем другим структурным подразделениям этого сознания [13, с. 8; 4, с. 19]. Более того, в широком смысле слова указанная функция проявляется и в неправовых духовных образованиях, даже в таких, казалось бы, наиболее абстрактных видах социального отражения, как искусство и религия. И в этом — одно из выражений обратной связи общественного сознания с общественным бытием. Отличительная особенность правовых норм заключается, следовательно, не в том, что они выполняют регулятивную функцию, а в том, что степень этой регулятивности здесь наиболее высокая, ибо в нормах права как бы концентрируются, «стягиваются» воедино регулятивные потенции правового сознания в целом.

По нашему мнению, было бы более правильным не разрывать идеально-отражательную и социально-регулятивную функции норм права, а рассматривать их в единстве, сосредоточивая основное внимание на проблеме соотношения этих функций. При таком подходе становится очевидным, что нормы права обладают двуединой природой: они есть идеальное воспроизведение правового объекта и в то же время — средство социального регулирования общественных отношений [17, с. 22]. Как идеальное отражение они выполняют определенную гносеологическую функцию [6, с. 60]. Дилемма: если правовые нормы — регуляторы, обладающие особой силой, то они не есть идеальное отражение — метафизична по своей сути. Они есть и то и другое одновременно (при ведущей роли социально-регулятивной функции).

Нормы права можно рассматривать как субъективное отражение в сознании общества (класса) объективных общественных отношений.

Социально-регулятивный характер правовой нормы, обеспечивая реализацию общественных задач и целей, как бы превращает субъективность в объективность [9, с. 369]. Мы присоединяемся к мнению Я. З. Хайкина, который считает, что «идентификация» правового сознания и права показывает, что их различие есть не различие сознания и еще чего-то внешнего для него, а дифференциация самого правового сознания на его элементы [19, с. 147], и что отношение к праву является «внутренним делом» самого правового сознания [19, с. 145].

Если бы нормы права не были формами идеального отражения, они не могли бы выполнять своей регулятивной роли.

И наоборот, любая социально-регулятивная функция одновременно выступает как функция отражения (осознания) объективной реальности [11, с. 468; 10, с. 34—40 и др.]:

В двуедином характере правовой нормы в конечном счете состоит одно из проявлений двойственной природы человека вообще как практически-теоретического существа, совокупного отношения его как исторического субъекта к миру [11, с. 246], в ходе которого осуществляется единство практики и отражения [11, с. 249], когда человек отражая творит, а творя отражает.

Практика вообще с точки зрения диалектического материализма выступает как основа, цель и критерий гносеологического отношения субъекта к объекту. Отсюда следует, что практически деятельный характер правовых норм не может служить основанием для абсолютного противопоставления их иным проявлениям сознания, ибо всякое сознание как система понятий, идеальных образов, отражающих действительность, не возникает и не существует иначе, как в органической связи с деятельностью.

Исключение норм права из структуры правового сознания лишь усложняет вопрос о происхождении правовых норм как вторичных общественных образований, а значит, и о соответствии их потребностям развития общественного бытия, отвлекает от проблемы истинности отражения действительности в правовых нормах. Это в конечном счете не способствует развитию и совершенствованию правовых систем, поискам наиболее оптимальных вариантов правового регулирования.

Некоторые авторы, возражая против рассмотрения правовых норм как своеобразного элемента общественного (правового) сознания, для обоснования своей точки зрения ссылаются на то, что нормы права обладают особой социальной силой, ибо в них воплощается государственная воля. Например, И. Е. Фарбер, возражая Г. И. Гаку, включающему право в систему общественного сознания на том основании, что оно выражает волю господствующего класса, выступающую в свою очередь одним из проявлений психической деятельности, пишет, что речь в данном случае идет не о воле в психическом смысле, а о государственной воле [18, с. 120]. Но употребление выражения «государственная воля» ничего не доказывает, поскольку государство во всех случаях выступает в качестве субъективного фактора, олицетворяющего деятельность людей — народных масс, классов, партий или отдельных личностей, которые в своих поступках всегда руководствуются сознательными побуждениями и воля которых, говоря словами Ф. Энгельса, «определяется страстью или размышлением» [1, т. 21, с. 306]. Следует подчеркнуть, что воля не является исключительной привилегией правовой сферы жизни общества. В социальном развитии нет и не может быть каких-либо явлений, которые так или иначе не были бы связаны с проявлением

человеческой воли. Поэтому нельзя не согласиться с Г. В. Плехановым в том, что «всякая данная система отношений в значительной степени создана волею людей» [15, с. 207].

Противопоставление воли и сознания теоретически несостоятельно. Очевидно, воли, которая функционировала бы за пределами человеческой психики, если это даже государственная воля (коллективная, общественная), не существует. В. И. Ленин положительно оценивал рассмотрение «познания» («теоретического») и «воли» как двух сторон, двух методов, двух средств уничтожения «односторонности» и субъективности и объективности [3, т. 29, с. 190]. У К. Маркса и Ф. Энгельса мы находим характеристику воли как «идеальных стремлений», «идеальных сил» [1, т. 21, с. 290], а законодательной деятельности — как воли в ее теоретической энергии [1, т. 1, с. 359].

В философской и правовой литературе воля характеризует-ся как один из элементов общественного сознания [16, с. 62], предметный, действенный вид сознания, его качество [9, с. 134], социально-психологический акт [12, с. 217], специфический отражательный процесс, содержащий в себе эмоциональные и интеллектуальные моменты [11, с. 188], субъективная категория [9, с. 372] и т. д. В воле происходит активное действительное опосредствование всего познавательного процесса — осознания интереса, мотивации, определения цели, которые проявляются вовне в целеустремленных действиях не только социальных групп, классов, но и отдельных индивидов [12, с. 207].

Государственная воля (общественная, коллективная) как форма отражения действительности определяется теми же объективными обстоятельствами, что и общественные идеи, понятия, чувства, эмоции, переживания и т. д., а именно общественным бытием. К. К. Платонов отмечает, что «вся разница между волей и познанием как формами отражения действительности заключается во взаимоотношении объекта и субъекта в них. Воля как активный процесс отражения сводится к тому, что в ней содержание отражаемого объекта является одновременно и мотивом деятельности субъекта и содержанием познания» [11, с. 186]. В этой связи уместно вспомнить марксовскую характеристику процесса труда: «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [1, т. 23, с. 189].

В предпринятом И. Е. Фарбером противопоставлении государственной воли воле как проявлению психики ощущается попытка рассматривать волю как нечто мифическое, существующее вне и помимо сознательной деятельности субъекта. О том, что государственная воля не есть какая-то сверхчеловеческая воля, мы уже отмечали. Однако следует напомнить

о том, что основоположники марксистской философии, рассматривая объективную обусловленность воли, подчеркивали общность ее содержания — «все равно, отдельного лица или целого государства» [2, с. 375]. Т. Павлов указывал, что «общество, взятое как единство живых и мыслящих существ, не может иметь какой-то специальный сверхиндивидуальный мозг или сверхиндивидуальные глаза, уши, руки и т. п.» [11, с. 21].

Факт закрепления государственной воли в нормативных актах свидетельствует не о ее сверхчеловеческом характере, а об осознанности людьми своих социальных устремлений, которые получают в праве лишь мотивированное юридическое оформление. И если бы эти устремления не были осознаны, такое оформление оказалось бы невозможным. В этой связи уместно вспомнить, что законодатель «выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений» [1, т. 1, с. 162; см. также 21, с. 33].

Государственная воля, будучи разновидностью общественной воли, есть не воля обособленного государства в собственном смысле слова (государственного аппарата), а опосредствованная государством воля объединенных в господствующий класс людей (в условиях развитого капитализма — всех трудящихся). Как верно замечает Д. А. Керимов, «государство не творит волю господствующего класса, а придает ей правовой характер» [9, с. 193]. Отсюда следует, что воля — не какой-то «третий мир», стоящий над материальными и духовными процессами, а определенная (целенаправленная) функция общественного сознания, одно из его проявлений. В свою очередь, общественное сознание во всех его разновидностях включает в себя волевой момент [11, с. 655]. Если говорить о правовом сознании, то волевая направленность его выступает как типичное обстоятельство. Что касается правовых норм, то они отличаются от правового сознания в целом не тем, что воплощают в себе волю, а тем, что воля занимает здесь ведущее место.

И. Е. Фарбер, рассуждая о праве как о силе более высокого порядка, чем общественное сознание [18, с. 38], ссылается при этом на К. Маркса [1, т. 16, с. 198], хотя К. Маркс, говоря о превращении общественного сознания в общественную силу, имел в виду, как верно подмечает Г. С. Остроумов, не возведение определенных правовых взглядов в форму закона, а осуществление, проведение в жизнь законов государственной власти [14, с. 138]. Г. С. Остроумов совершенно справедливо пишет о том, что «понимание норм права как особой формы воплощения специфической системы правовых взглядов, т. е. отнесение их к сфере общественного сознания, снимает полумистический покров с правовых норм как некоей «особой социальной реальности», не относящейся ни к общественным учреждениям, ни к общественным взглядам» [14, с. 138]. Он

считает возможным рассматривать непосредственное воздействие правовых норм на поведение людей как особый случай воздействия на него явлений общественного сознания [14, с. 138].

Следует отметить и то, что особая сила социального характера, заложенная в правовых нормах, обуславливается не самими этими нормами, а прежде всего авторитетом государственного аппарата, без которого и за пределами которого право, по мысли В. И. Ленина, «есть ничто» [3, т. 33, с. 99]. Для того чтобы право смогло выполнять роль института общественного развития, экономически господствующие индивиды должны конституировать свою силу в виде государства, «способного принуждать к соблюдению норм права» [3, т. 33, с. 99].

В произведениях основоположников диалектического и исторического материализма мы неоднократно встречаем оригинальные характеристики права как идеологического воззрения [1, т. 37, с. 419], самостоятельной идеологической области (идеологической формы) [1, т. 13, с. 7], идеологического пережитка [1, т. 36, с. 451] и т. д. И если бы право — это «идеологическое воззрение», «идеологическая форма», «идеологический пережиток» — не опиралось на авторитет государственной власти, оно не смогло бы выполнять функцию «материализованного» орудия социального регулирования [9, с. 134]. Идеи вообще ничего не могут осуществить: «для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» [1, т. 2, с. 132].

Правовые нормы вне деятельности государства — это только знаки, которые сигнализируют человеку о необходимости той или иной формы поведения и материальность которых состоит в том, что они заключены в языковую оболочку. Регулятивное воздействие правовых норм, взятых в «чистом виде», мало чем отличается от того, которым обладают все другие элементы правового сознания. Сами по себе нормы права, если их рассматривать вне реализации, хотя и существуют в действительности, но не в качестве материальной реальности, как полагают некоторые авторы [10, с. 37], а в виде образов этой реальности, т. е. идеально.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 2-х т. — М.: Госполитиздат, 1956. — Т. 2. 289 с. 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд. 4. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 5. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М.: Юрид. лит., 1966. — 187 с. 6. Гуреев С. В. Некоторые проблемы соотношения форм общественного сознания в свете ленинской теории отражения. — Тр. Ленингр. инж.-экон. ин-та, 1961, вып. 38, с. 31—39. 7. Исторический материализм. — Минск: Вышэйшая школа, 1970. — 367 с. 8. Карева М. П. Право и нравственность в социалистическом обществе. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 183 с. 9. Керимов Д. А. Философские проблемы права. — М.: Мысль, 1972. — 472 с. 10. Козюбра Н. И. Социалистическое право и об-

щественное сознание. — Киев. Наук. думка, 1979.—206 с. 11. Ленинская теория отражения и современность. — Москва; София: Изд-во АН СССР, 1969.—725 с. 12. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. — М.: Юрид. лит., 1973.—343 с. 13. Лукашева Е. А. Правосознание и законность в социалистическом обществе. — М.: Изд-во АН СССР, 1973.—275 с. 14. Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. — М.: Наука, 1969.—173 с. 15. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5-ти т. — М.: Соцэкгиз, 1956. — Т. 2. 848 с. 16. Потопейко Д. А. Правосознание как особое общественное явление. — Киев: Вища школа, 1970.—110 с. 17. Свидерский В. И., Забов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. — 127 с. 18. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. — М.: Юрид. лит., 1963.—204 с. 19. Хайкин Я. З. Взаимодействие моральной и правовой систем. — М.: Высш. школа, 1972. — 280 с. 20. Харычев А. Г. О некоторых закономерностях развития общественного сознания. — В кн.: Проблемы развития в природе и обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 18—24. 21. Шейндлин Б. В. Сущность советского права.—Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — 140 с.

Поступила в редколлегия 15.06.81.

И. Г. Ницевич, канд. филос. наук, В. С. Зеленецкий,
канд. юрид. наук.

Харьков

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЗНАНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Разработка вопросов теории познания всегда относилась к числу фундаментальных проблем науки. На необходимость исследования такого рода проблем ориентирует XXVI съезд КПСС [3, с. 145—146]. В этом плане существенным представляется теоретическое осмысление процесса познания и его отражения в системе категорий материалистической диалектики. Целе-направленная деятельность основана на знании, а само знание выражается в определенном категориальном аппарате. Именно поэтому важен анализ не только процесса познания, но и тех категорий, в системе которых он осуществляется и, наконец, получает свое отражение. При этом наибольший интерес представляют вопрос о начале процесса познания и его исходной категории, анализ других узловых категорий, отражающих процесс познания, а также вычленение основных ступеней данного процесса. Исследование названных вопросов имеет большое значение, ибо позволит выяснить механизм процесса познания, определить его категориальную структуру и на этой основе систематизировать как полученные знания о механизме процесса познания, так и его категориальный аппарат. Проблема систематизации категорий в правовой науке не менее актуальна, чем в философии, поэтому в статье процесс познания рассматривается на соответствующем правовом материале.